

КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРЯКИН

аспирант Департамента социологии
Санкт-Петербургской школы социальных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: kkoryakin@hse.ru

Виртуальное сообщество как среда конструирования коллективной идентичности

УДК: 316

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-3-176-201

В исследовании рассматриваются стратегии конструирования коллективной идентичности в локализованных онлайн-сообществах. Возрастающая роль социальных медиа как структурированного пространства для коммуникаций и трансляции информации в контексте локализованных сообществ приводит к трансформации социальных связей при размытии границ между цифровой и аналоговой социальными реальностями. Выявление особенностей дискурсивных стратегий, применение которых онлайн-сообществом отражает и конструирует общность, позволяя рассмотреть социальные медиа как пространство, в котором формируется выраженная коллективная идентичность. В качестве методологической основы исследования выступает качественный контент-анализ с элементами критического дискурс-анализа. Представленный анализ текстового содержания публикаций петербургских онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» выявил широкий спектр риторических приемов, используемых администраторами и активными участниками сообществ и связанных с коллективными идентичностями. Были выделены общие дискурсивные стратегии: 1) информационно-диалоговая, 2) ценностно-деятельностная и 3) мобилизационная.

Ключевые слова: идентичность, региональная идентичность, дискурс, экоактивизм, социальные сети, контент-анализ, локальные сообщества.

Благодарность

Автор статьи выражает благодарность доценту Департамента социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге кандидату филологических наук, кандидату социологических наук Анне Валентиновне Немировской за важные рекомендации и советы в ходе подготовки статьи.

Введение и постановка проблемы

Становление постиндустриального общества, сопровождаемое совершенствованием технологий связи, привело к трансформации коммуникаций и социального взаимодействия. Стремительное развитие интернета и распространение смартфонов *en masse* в 2010-х гг. привело к появлению сетевых платформ, которые известны как социальные сети и на базе которых стало возможно создание онлайн-сообществ [Dolata, Schrape, 2016, p. 8]. Итогом технологического прогресса также стало формирование специфической среды, в которой создаются условия, подходящие для развития тематических сообществ, служащих площадками для формирования коллективных смыслов, приобретающих свою силу и устойчивость через создание и потребление пользователями цифрового контента. В свою очередь, инклюзивность и доступность социальных сетей позволили широкому кругу лиц самостоятельно организовывать такие сообщества без существенных вложений ресурсов.

В результате феномен виртуальных сообществ значительно повлиял извне на социальные, экономические и общественно-политические процессы в так называемой аналоговой реальности. Особый интерес представляет синхронизация цифрового и аналогового миров вне контекста глобализации — в условиях ограниченной, или локализованной, территориальности. Виртуальные тематические сообщества, посвященные определенным вернакулярным районам, в силу своей специфики разрушают завесу между «онлайном» и «офлайном». Участники сообществ, которые, скорее, могут быть названы онлайн-сообществами, нежели виртуальными, ввиду их представленности в различных измерениях, территориально ограничены в пределах определенной местности, вокруг которой выстраивается локальная идентичность. Именно в таких случаях виртуальные сообщества представляют площадку для построения своеобразного «цифрового двойника» существующих локальных инициативных групп.

Локализованные онлайн-сообщества, в сущности, могут быть рассмотрены как аналог воображаемых сообществ, в представлении Б. Андерсена [Anderson, 2006], однако с тем существенным отличием, что они выходят за рамки воображаемого, будучи осязаемыми ввиду технической возможности попробовать установить связь или заочно ознакомиться с аватаром в виде профиля практически любого участника этого сообщества. Формат взаимодействия в таком сообществе находится в промежуточном положении между таковым в сельской общине преמודерна и нации модерна, тем самым по масштабу своего охвата приближаясь к городскому сообществу. Тем не менее местные онлайн-сообщества отличаются и от классических городских сообществ с традиционными медиа и крупными городскими онлайн-сообществами сохранением способности к относительно горизонтальному взаимодействию и широкому участию в публичных коммуникациях на местности, маркируемой доступом к определенным зонам и основным посещаемым локациям.

Яркими проявлениями деятельности локальных виртуальных сообществ наяву становятся акции и манифестации инициативных групп местных жителей. И хотя успешный исход экологических протестов в Шиесе в 2018 г. и у горы Куштау в 2020 г.¹ приписывается действиям эоактивистов, а также применению социаль-

¹ На станции Шиес в Архангельской области в 2018–2021 гг. местные жители и активисты выступали против строительства крупного мусорного полигона. Протест завершился отказом от планов по реализации проекта и уступками со стороны региональных властей.

ных сетей как технологии для коммуникаций *per se* [Gorbacheva, 2020; Poupin, 2021], представляется важным и участие жителей, являющихся одновременно пользователями в рамках локализованных виртуальных сообществ как онлайн-групп, на площадке которых в том числе происходят коммуникации. Таким образом, взгляд на проблему через призму гибридной по своему характеру активности местных жителей в локализованных онлайн-сообществах на основе вернакулярной идентичности на данный момент не представлен в исследованиях в должной мере.

В связи с вышеизложенным исследовательский вопрос формируется в таком виде: каким образом выстраиваются стратегии коммуникаций на основе общности в локализованных онлайн-сообществах и как через дискурс определяются границы между цифровой и нецифровой реальностью сообщества? Данная работа посвящена выявлению языковых практик и дискурсивных стратегий, связанных с коллективной идентичностью в локализованных онлайн-сообществах в Санкт-Петербурге. Основным эмпирическим подходом исследования является анализ публикаций из сообществ в социальной сети «ВКонтакте», в рамках которого выявляются лингвистические практики и риторические приемы, отражающие и формирующие самосознание, основывающееся на общности группы, разделяющей интересы и ценности, в том числе при рассмотрении различных локальных и более масштабных проблем, таких как экологическая угроза.

Цифровое участие в региональных и локальных онлайн-сообществах

В настоящий момент проблема местных онлайн-сообществ в социальных сетях изучена фрагментарно. Исследователи подчеркивают гибридный характер вовлечения в современных онлайн-сообществах, проявляемый во взаимодополняющем и реконструирующем отношении цифровых и материальных пространств [Showden *et al.*, 2025]. Это же характерно не только для локальных онлайн-сообществ, но и, например, для виртуальных платформ, созданных для коммуникаций экспатов друг с другом. Такие социальные медиа играют вспомогательную роль в обмене информацией и взаимоподдержке в среде экспатриантов в отдельно взятом регионе, укрепляя впоследствии связи между участниками и повышая их устойчивое участие в жизни сообщества [Canhilar *et al.*, 2022]. На основе этого становится возможным высказать предположение о том, что социальные медиа стали не только динамичной площадкой для формирования и трансляции ценностей, но и инструментом для структурированной формы взаимодействия, позволяющей эффективно объединять людей с коллективными интересами.

Исследователи местных онлайн-сообществ в российском контексте преимущественно концентрируются на коммуникативных стратегиях экологических организаций с отдельными группами активистов, а также на влиянии, которое они оказывают на государственные решения и общественное мнение в цифровой среде [Ермолаева и др., 2020; Каминская и др., 2019]. Также в некоторых работах авторы

У горы Куштау в Республике Башкортостан в августе 2020 г. произошел конфликт между экологическими активистами и представителями Башкирской содовой компании, приступившей к разработке месторождения известняка. В результате шихан Куштау получил статус охраняемой территории, а эксплуатация объекта была остановлена.

фокусируются на политических последствиях экологических протестов в регионах России, выявляя предикторы пробуждения общественного активизма, связанные с деятельностью в рамках онлайн-сообществ, однако в первую очередь подчеркивают социально-экономические и политические факторы в сравнительной кросс-региональной перспективе [Semenov et al., 2024; Yanitsky, 2012]. Такой подход исключает возможность рассмотрения проблемы через призму коллективных идентичностей ввиду комплексности совмещения отдельных концепций в рамках одной эмпирической модели при погружении в контекстуальную глубину механизмов формирования группы.

В отдельном блоке литературы рассматривается и возможность сбора цифровых данных об экологическом дискурсе в определенных местных сообществах соцсети «ВКонтакте» посредством тематического разбора через анализ локальных практик и содержания публикаций [Щекотин и др., 2024; Zakharova et al., 2025]. При этом объект исследования не рассматривается в оптике взаимодействия коллективных идентичностей. Тем не менее авторы поднимают важный вопрос о применимости линейного анализа и генерализации при использовании цифровых источников для исследования экологического активизма, указывая по итогам тематического анализа дискурса на комплексный характер этого явления. Аналогичный подход обнаруживается и в исследованиях цифрового активизма и экологических коммуникаций, где данные из социальных медиа используются в рамках качественного анализа содержания текста в публикациях, а идентичность рассматривается исключительно посредством индивидуальных ролей и экологических ценностей, а также принадлежности к городской среде или нации в целом [San Cornelio et al., 2024; Chertkovskaya, Paulsson, 2022].

Активность виртуальных местных групп, возникших в ходе локальных экологических конфликтов, рассматривается в отдельных работах по анализу сетевого участия во «ВКонтакте» [Гольбрайх, 2019], однако глубинные механизмы конструирования чувства «общности» также остаются не до конца раскрытыми. В свою очередь, исследования, ориентированные на локальные случаи, такие как анализ социальных факторов формирования «экокультуры» нижегородских активистов, дают представление о мотивациях участников и практиках экологических активистов [Шалютина, Кавлис, 2022], но касаются преимущественно содержательных мотивационных компонентов без системного охвата структурных и символических элементов местного сообщества. Сравнительный анализ форматов онлайн- и офлайн-взаимодействия в повестке региональной экологии демонстрирует возможности сопоставления, но выявляет дефицит междисциплинарных методик объединения сетевых и социологических данных, несмотря на более ранние попытки комплексного анализа цифрового экологического активизма, которые опираются на обобщение подходов и систематизацию ключевых стратегий, но несколько теряют свою актуальность ввиду обновления платформ и алгоритмических изменений [Кранзеева и др., 2024]. Далее можно отметить, что отдельные количественные исследования представления экологической проблематики в региональных интернет-СМИ показывают интенсивность контента, но редко связывают ее с качественными характеристиками групповой идентичности и сетевой структуры [Лободенко и др., 2022].

В отдельных исследованиях, которые не ориентированы на использование социальных медиа, рассматривается сам феномен фреймирования групповой регио-

нальной идентичности в совокупности с риторическими призывами к защите родных мест, позиционируемых одновременно как символическая ценность и коллективная собственность, необходимая для выживания и социально-экономического благополучия группы, как возможный фактор экологической мобилизации, а также отстаивания интересов местными жителями, экологическими активистами, этническими меньшинствами и иными включенными в экологическую повестку на местах акторами [Тулаева, Немировская, 2024]. Исследователи подчеркивают необходимость дальнейшего анализа механизма формирования и развития региональной идентичности в ходе и в результате политической мобилизации, при этом в самой работе не затрагивается аспект цифрового активизма в рамках онлайн-сообществ. В то же время защита родных мест может восприниматься в рамках суверенной экологии и иметь патриотическую основу, которая поддерживается стойкой национальной идентичностью [Тулаева, Семушкина, 2025; Щербак и др., 2025].

Более того, как показал В.Б. Гольбрайх, подтвердив применимость теории фрейминга в контексте виртуальных сообществ, региональные экологические сообщества могут использовать социальные медиа для распространения информации и мобилизации граждан в конфликтах вокруг экологических проблем [Гольбрайх, 2020]. Отмечается, что успех в мобилизации через социальные медиа возможен, если внимание не ограничивается специальными протестными сообществами профессиональных активистов, а распространяется на более широкую аудиторию, тогда как СМИ фокусируются на проблемах, выделенных экологическим сообществом. В то же время цифровое участие в экологических протестах помогает привлечь внимание широкой аудитории и рассматривать местные ситуации как часть национальной или глобальной повестки дня [Расторгуев, Тянь, 2021]. Авторы подчеркивают значительную роль цифровых платформ в мобилизации и координации действий равнодушных местных жителей и экологических активистов, хотя результаты исследования не демонстрируют прямой зависимости между цифровым участием и реальным масштабом деятельности. В свою очередь, другие исследователи подчеркивают, что отдельные механизмы цифровых платформ, такие как встроенная во «ВКонтакте» функция публикации информации не от имени отдельного участника группы, а посредством репрезентации всего сообщества в целом, могут способствовать росту значения групповой идентичности [Сабурова и др., 2021, с. 162, 164].

Мобилизация локальных сообществ на основе конструирования коллективной идентичности в социальных медиа

Цифровые платформы позволяют индивидам участвовать в формировании идентичности, которая выходит за пределы физических границ [Hine, 2000]. Виртуальные региональные и локальные сообщества, объединенные общностью интересов в привязке к географически ограниченной зоне, создают цифровые пространства, в которых коммуникации осуществляются посредством онлайн-взаимодействия, то есть через символы и общие нарративы. Такие сообщества не всегда создают стабильные и организованные социальные движения из-за слабых социальных связей и «цифрового разрыва», но способствуют передаче определенной мировоззренческой парадигмы [Van Laer, Van Aelst, 2010, p. 1163].

Фундаментальной основой всех исследований в области социальных наук, посвященных идентичности, является теория социальной идентичности, сформулированная А. Таджфелем и Дж. Тернером [Turner, 1982]. Теория социальной идентичности постулирует когнитивные процессы социальной категоризации, социального сравнения и социальной идентификации как жизненно важные для определения индивидами своего места в обществе [Trepte, 2006]. Согласно теории социальной идентичности, индивиды обладают когнитивной привязанностью к совокупности людей на основе специфических критериев, позволяющих отделить их от других, формируя таким образом социальную группу [Turner et al., 1979, p. 40]. Соответственно, социальная идентичность представляет собой понятие, описывающее, как самовосприятие человека складывается из его членства в различных социальных группах.

Экологическое сознание выражается в формировании под влиянием «зеленой повестки» и ее дискурсивных практик особой экологической идентичности как формы самопрезентации в условиях природных проблем и угроз выживанию [Lei, 2022; Lou, Li, 2021]. Взгляд на саму природу, а также позиционирование человечества и отдельных индивидов по отношению к ней изменился с антропоцентрично-эксплуататорского на протекционистский. Таким образом, угрозы, нависшие над постиндустриальным обществом, стали смещать перспективу в сторону активности вместо пассивности не только в потреблении и производстве благ за счет мира природы, но и в ее сохранении. Экологическая идентичность, как специфическая разновидность социальной идентичности, тесно связана с региональной идентичностью, формируя экорегиональную идентичность как самобытное явление [Терешина, Башмаков, 2017].

Исследователь А. Пааси отмечает существенное различие между концепциями идентичности региона как такового и региональной идентичностью в виде регионального сознания людей, живущих в регионе или за его пределами [Paasi, 2003]. Он утверждает, что первое явление более тесно связано с целенаправленным и активным использованием дискурса влиятельными акторами об особенностях региона, тогда как второе относится к самокатегоризации и Я-концепции по отношению к тому, что понимается как регион во всех его воспринимаемых измерениях. Следовательно, Я-концепция и групповая категоризация являются своеобразными линзами для оптики мировоззрения, формирующего знания и воображаемые альтернативы, рационализированные как потенциально достижимые в результате социальных изменений.

Современные психологические трактовки теории социальных движений определяют в качестве основной мотивации для их формирования комплекс взаимосвязанных явлений — социальную привязанность, эмоции и идентичность [Van Stekelenburg, Klandermans, 2009]. Отдельно рассматривается и рациональный расчет возможностей, в рамках которого предполагается, что инициативные группы оценивают, насколько расширение участия в принятии решений или ослабление давления со стороны государства позволяет добиваться изменения существующего статус-кво [Meyer, Minkoff, 2004]. В свою очередь, идентичность обуславливает мотивацию для участия в новых социальных движениях [Melucci et al., 1989]. Социология знания также указывает, что представление о мире и возможных альтернативах формирует идеологический компонент, необходимый для организованного коллективного действия [Rootes, 1990]. Теория экологической модернизации [Mol

et al., 2009] дает возможное объяснение мотивации в рамках экологического активизма, акцентируя внимание на целенаправленных коллективных действиях и распространении «зеленых» ценностей как предпосылках для более рациональных и заботливых рамок взаимодействия человека и природы.

Возвращаясь к социальным медиа, важно отметить, что в цифровом пространстве не формируется альтернативная и самобытная система реальности, полностью изолированная от реального мира, так как контент на платформах генерируется пользователями. По этой причине социальные медиа фактически воссоздают структуру и правила социального мира, равно как и объективной реальности в целом [Riva *et al.*, 2015]. Таким образом, социальные медиа фиксируют и имитируют «аналоговую реальность» с взаимным обменом информацией и отношениями между этими реальностями постмодерна. Отношения, взаимодействия и идентичности передаются в социальные медиа, которые усиливают или формируют их, оказывая влияние на индивидов [Bond, Messing, 2015; Nahon, 2015]. В этом отношении социальные медиа как относительно новая коммуникационная платформа, ставшая доступной благодаря развитию технологий, на самом деле не является революционной в том смысле, что она не так уж далека от успевших стать «традиционными» телевидения и радио. Следовательно, социальные медиа не порождают совершенно новый тип социальных отношений.

Современная технология коммуникаций, каковой являются социальные медиа, увеличила географический и количественный масштаб связей, но не изменила оптику и динамику социальных отношений, особенно властных [Kidd, McIntosh, 2016, p. 792]. Поскольку желание оказывать влияние на принятие решений остается основной мотивацией для политического участия, спорные вопросы в рамках различных государственных программ могут привести к поляризации различных групп населения на основе разделения интересов и ценностей. Именно в этой области социальные медиа предоставляют платформу для распространения информации среди множества людей относительно дешевым и удобным способом [Marwick, Lewis, 2017]. Также социальные медиа «геймифицируют» коммуникации, то есть приближают условия взаимодействия к игровым, а также адаптируют их к более структурированным и менее «естественным» письменным формам, конструируя элементы принципиально иной социальной реальности [Wohn, Bowe, 2014].

Кроме того, есть исследования, которые показывают, что даже отдельные технические нюансы в социальных медиа, такие как хештеги, могут укреплять чувство общности и формировать идентичность. Отмечается, что хештеги играют ключевую роль в формировании коллективной идентичности и социальной интеграции в цифровой среде [Скирко, Корнеева, 2023; Barassi, Zamponi, 2020; Dawson, 2020; Luria, Foulds, 2021]. Другими словами, утверждается, что хештеги дают членам сообщества возможность выражать свои идеи и объединяться вокруг общих целей посредством разделения некоего общего кода. Тем не менее всеобъемлющее использование хештегов является более характерным для крупной сети активистов в различных социальных медиа, нежели локализованных и замкнутых сообществ сети «ВКонтакте», для которых ключевым техническим моментом является факт публичного вступления в группу достаточно большого количества участников — представителей целевой аудитории [Urban, 2019].

При этом ожидается, что участники сообщества разделяют ценности сообщества и даже могут иметь возможность предлагать публикации от имени всей группы

лишь со скромным указанием собственного авторства в конце поста или вовсе без него [Fokina et al., 2019]. В результате количество участников, просмотров, отметок «Мне нравится», развернутых комментариев и частота разнообразных публикаций с уникальным текстовым и графическим сопровождением в соответствии с контент-планом становятся индикаторами активности и влияния онлайн-сообществ, которые могут сравнивать между собой как любые пользователи, так и администраторы сообществ [Myagkov et al., 2020].

Функционирование сообществ разных типов может быть обусловлено соответствующей мотивацией его администраторов, модераторов, экспертов и иных активных пользователей, которые играют собственные коммуникативные роли и занимают лидерские позиции в иерархии сообщества [Пивоварчик, 2019]. Исходя из этого, ценностные и поведенческие паттерны сообществ также формируются на основе деятельности его лидеров. И хотя руководители онлайн-групп могут иметь особенные установки и оперировать в рамках специфического локального контекста, сообщества помимо уникальных характеристик обладают некоторым набором типичных признаков, позволяющим осуществить их категоризацию. В рамках теоретической модели данного исследования выделяются следующие типы онлайн-сообществ:

4. Официальные сообщества, которые создаются или модифицируются представителями органов власти, а также их партнерами. Группы этого типа отличаются высокой регулярностью публикаций, в основном позитивной тональностью публикаций при умеренной эмоциональной подаче. Отдельно могут быть отмечены такие особенности, как передача информацией, а также контактами с государственными организациями или их подведомственными структурами [Платонов, Легостаева, 2021].
5. Волонтерские сообщества, формирующиеся по инициативе общественных объединений разного типа. Могут быть формальными, то есть опираться на официальные сообщества, или неформальными [Смирнов, 2019]. Публикации таких сообществ характеризуются насыщенным по смыслу содержанием с акцентом на практических акциях и практиках, каковыми могут быть, например, раздельный сбор отходов и совместная уборка территорий. Однако контент такого плана обычно достигает лишь умеренных показателей охвата.
6. Мобилизационные сообщества, которые ориентированы на оперативную организацию поддержки для оказания воздействия с целью решения актуальных локальных проблем. В публикациях сообществ этого типа распространены призывы к действию, выраженные через динамичные визуальные форматы [Сабурова и др., 2019]. Также для таких сообществ характерно использование в названии призывов, подразумевающих антагонизм в этом процессе с противодействием каким-либо действиям, направленным на объект интереса сообщества.
7. Локализованные (локальные, или местные) сообщества, образующиеся инициативными жителями на основе совместного проживания на определенной территории. Онлайн-группы такого типа служат площадками для дискуссии и решения разнообразных вопросов, актуальных для жителей обозначенной территории [Capece, Costa, 2013; Павлов, 2016]. Публикации в таких сообществах основываются на предложенном пользо-

вательском контенте (user-generated content) чаще, чем в других сообществах.

В основном публикации представленных типов онлайн-сообществ отличаются по смысловому наполнению, которое зависит от цифровых практик администраторов, несущих организационные функции в рамках интернет-площадок, а также авторов контента. Тем не менее в онлайн-сообществах могут наблюдаться схожие тенденции, которые приближают их друг к другу и свидетельствуют об условности попыток классификации. Представляется возможной и эволюция сообщества с фактической трансформацией из одного типа в другой. Вдобавок сообщества разных типов могут включать в себя различных участников, что обусловлено вариативной привлекательностью для целевых групп.

Таким образом, коллективные идентичности, существующие в том числе в рамках социальных медиа, имеют потенциал для формирования основ социального движения и повышения вовлеченности местных жителей, которые могут быть объединены на основе общей идентичности и действовать в общих интересах. В результате экологически ориентированные сообщества в социальных медиа также могут способствовать мобилизации на основе коллективной идентичности. Тем не менее идентичность как понятие не следует использовать чрезмерно и рассматривать как единственный важный феномен, поскольку, как об этом предупреждали Р. Брубейкер и Ф. Купер, существует риск потерять концептуальные рамки, переступив через другие формы самосознания и онтологические сущности [Brubaker, Cooper, 2000].

Методология исследования

Основой исследования является качественный контент-анализ некоторых мобилизационных и преимущественно локализованных онлайн-сообществ, посвященных местной экологической повестке, во «ВКонтакте». Сбор и первичная обработка данных выполняются с помощью встроенных инструментов платформы и таких сторонних ресурсов, как «Медialogия» и “Popsters”, которые используются для сбора данных, в частности в рамках политических исследований [Молоковский, Нездюров, 2014]. Анализ эмпирических материалов опирается на интерпретивистский подход в выявлении риторических приемов и дискурсивных стратегий, направленных на конструирование общей коллективной идентичности в онлайн-сообществе, как явных, так и скрытых. Благодаря такому подходу становится возможным более углубленно рассмотреть спектр ключевых тем и образов, а также изучить, каким образом дискурс может в перспективе содействовать трансформации локальных сообществ в устойчивые экологические движения.

В рамках исследования были отобраны материалы тематических локальных онлайн-сообществ во «ВКонтакте». Первичный отбор сообществ осуществлялся по следующим критериям: активность группы, определяемая через число публикаций и комментариев, размер аудитории и привязка к местности. При этом тематически сообщества должны быть ориентированы в том числе на сохранение зеленых насаждений и защиту окружающей среды, то есть относиться к мобилизационным или локализованным онлайн-обществам. Поскольку необходимо выявить особенности коммуникационных стратегий конструирования коллективной идентичности в местных сообществах, выборка составлена на основе онлайн-сообществ, ло-

кализованных на одной территории или на ее периферии. Так, Санкт-Петербург является городом федерального значения, по эволюции и активности инициативных групп которого было проведено несколько исследований [Гольбрайх, 2018; Паченков, Воронкова, 2021]. В связи с этим представляется возможным рассматривать Санкт-Петербург вместе с прилегающими к нему районами Ленинградской области как подходящий для анализа регион с развитым экологическим движением и выраженной идентичностью населения.

В информационном поле Санкт-Петербурга широко представлено объединение локальных онлайн-сообществ «Зеленая коалиция Петербурга», в подробной информации о котором отмечаются принадлежащие к нему общегородские движения активистов и местные инициативные группы. Диапазон численности подписчиков сообществ инициативных групп коалиции, которые осуществляли публикационную активность на протяжении 2024 г., варьируется от 600 до более чем 7 000 чел. Включение сообществ из этого блока в выборку исследования позволяет охватить как относительно крупные, так и небольшие онлайн-сообщества. При этом рассматриваемые инициативные группы идентифицируются не как движения активистов, то есть высокомотивированных граждан с выраженной гражданской позицией, разделяющих экологические ценности, а как сообщества местных жителей, объединенных общими интересами ввиду совместного проживания на отдельно взятой территории.

Выборка сообществ, позиционирующих себя как связанные с определенной местностью, также обуславливается исключением возможности влияния региональных и иных особенностей на риторические приемы, поскольку в рамках теоретической модели исследования рассматриваются общие паттерны дискурса онлайн-сообществ в локализованном контексте. Ограничением такого подхода может также быть интерпретивистский подход в предварительном отборе сообществ и анализе содержания публикаций, поскольку значительная роль отдается в таком случае субъективному взгляду, что снижает возможность обобщения и повторяемости результатов исследования. Тем не менее машинный анализ текста и количественный контент-анализ сообществ в позитивистском ключе менее применимы для выявления смыслов в виде образных символов, ценностей и призывов в виде побуждения к действию, лежащих в плоскости риторических приемов.

Таким образом, был осуществлен первичный отбор восьми сообществ социальной сети «ВКонтакте» по принципу репрезентативности для представления и сравнения связанных друг с другом экологически ориентированных сообществ с привязкой к местности. С использованием сервисов «Медialogия», «Popsters» и инструментов платформ для последующего анализа было выгружено 2 558 публикаций с текстовым содержанием из онлайн-сообществ с 1 января по 31 декабря 2024 г. Почти 60% публикаций в выгрузке относилось к сообществу «Парк на Смоленке | Васильевский остров». После осуществления выгрузки информации об опубликованном контенте отобранных сообществ за указанный период выяснилось, что существует значительный разрыв по количеству публикаций — от 7 до 1 530. Медианное количество публикаций составило 190.

Были определены три сообщества с числом публикаций меньше медианного за период, а именно «Против строительства порта в Приморске» (14 публикаций), «Защита санатория Сестрорецкий курорт» (72 публикации) и «Сохраним наш парк 300-летия СПб» (7 публикаций). Поскольку в упомянутых трех сообществах число

Табл. 1. Первоначальная выборка онлайн-сообществ из «Зеленой коалиции Петербурга» в социальной сети «ВКонтакте»

Table 1. An initial sample of online communities from the 'St. Petersburg Green Coalition' on the social network 'VKontakte'

№	Онлайн-сообщество	Электронный адрес	Число подписчиков	Число публикаций
1	Сохраним Южно-Приморский парк	https://vk.com/sohranimpark	7378	190
2	Парк на Смоленке Васильевский остров	https://vk.com/parksmolenka	7351	1530
3	Против строительства порта в Приморске	https://vk.com/protivporta	4464	14
4	Защитим парк Интернационалистов	https://vk.com/kupchinozapark	3151	190
5	Парк Академика Сахарова	https://vk.com/parksaharova	2588	330
6	Защита санатория «Сестрорецкий курорт»	https://vk.com/sestroreck_kurort	2055	72
7	Сохраним наш парк 300-летия СПб	https://vk.com/park300spb	1374	7
8	Бульвар Новаторов и его «благоустройство»	https://vk.com/bulvarnovatorov	650	225

опубликованных постов недостаточно для выявления последовательной дискурсивной стратегии в рамках одного онлайн-сообщества, они были исключены из списка рассматриваемых.

В результате в выборку попало пять рассматриваемых групп: «Сохраним Южно-Приморский парк», «Парк на Смоленке | Васильевский остров», «Защитим парк Интернационалистов», «Парк Академика Сахарова», а также «Бульвар Новаторов и его «благоустройство»». После отсева 93 публикаций из трех сообществ с недостаточным количеством постов общее число публикаций с текстовым содержанием за указанный период в оставшихся пяти сообществах составило 2 465. Отмечается относительно высокая публикационная активность в отобранных сообществах за указанный год.

Следующим этапом стало выделение релевантных публикаций для последующего анализа из обозначенных 2 465 постов. Был проведен отсев на основе нескольких критериев для публикаций.

1. Показатель общей вовлеченности (ER) менее 1%. Выделение сообщений с более высокой вовлеченностью позволяет включить именно те публикации, которые смогли привлечь внимание пользователей. Всего в результате очистки по этому критерию было отсеяно 1 869 сообщений.
2. Пустое текстовое содержимое. В некоторых выгруженных публикациях присутствовали текстовые знаки в виде невидимых символов, в результате чего такие посты считались текстовыми, но не имели текста как такового. Всего было выделено 11 таких публикаций.
3. Количество слов в тексте менее 10. Чрезмерно короткое текстовое содержимое не позволяет полноценно рассматривать риторические приемы. Произведен отсев 58 постов.

4. Передача общих нейтральных новостей о городских мероприятиях (кинопоказы и бесплатные общегородские события). Эти новости несут рекламный характер, а анонсированные мероприятия не проводятся в рамках сообщества и не относятся к локальным. Было выделено 12 публикаций такого характера.
5. Отсутствие комментариев при нейтральной тональности и будничном характере новостных публикаций. Такие публикации являются повседневными сообщениями и при этом не имеют выраженной реакции среди пользователей; всего было удалено 16 подобных постов.
6. Жалобы, повествующие про бытовые проблемы в сфере ЖКХ и общие коммунальные вопросы. Эти сообщения предназначены для управляющих компаний и органов власти и отвечают индивидуальным интересам отдельных жителей. 75 публикаций такого рода было отсеяно.
7. Содержимое исключительно в виде предупреждений и сообщений об опасности. Экстренные оповещения и информация об экстраординарных событиях, представляющих угрозу жизни жителей, отражает экзистенциальные вопросы безопасности. Публикации такого характера в количестве 15 штук исключены из релевантных.
8. Повторяющиеся по текстовому содержанию и смыслу сообщения. Всего было выделено две таких публикации.

В результате отсева всего суммарно 2 058 постов были определены как нерелевантные и удалены. Таким образом, за вычетом 2 058 постов из 2 465, опубликованных пятью сообществами, осталось 407 публикаций, подходящих для последующего анализа.

Онлайн-дискурс как основа для конструирования идентичности. Результаты исследования

В целях выделения ключевых смысловых единиц дискурса в онлайн-сообществах было проведено тематическое кодирование, основной смысл которого заключался в следовании принципам «обоснованной теории» (grounded theory) А. Страуса, Б. Глейзера и Д. Корбин [Corbin, Strauss, 1990]. На основе первичного и вторичного анализа текстового содержания 407 публикаций онлайн-сообществ на предмет дискурсивных практик было выявлено 12 основных тематик. Содержание каждой публикации оценивалось на предмет наличия кода, максимальное число кодов для одной публикации приравнялось к трем. В случае превышения этого количества кодирование осуществлялось по принципу наибольшей представленности. Всего по результатам анализа был отмечен 721 код.

Конструирование образа Другого (1) проявляется в выделении отдельной группы или личности, рассматриваемой как внешняя по отношению к сообществу местных жителей. Эта группа может являться референтной, но это не является обязательным условием. Преимущественно дискурсивная практика представлена в виде критики действий или морально-этических принципов Другого, при этом сравнение с «нами» может отсутствовать. Например, таковыми могут быть «бессовестные предприниматели» в виде застройщиков, ориентированные, с точки зрения представителей локализованных сообществ, лишь на личную выгоду.

Табл. 2. Результаты тематического кодирования

Table 2. Overview of thematic analysis coding

№	Тематика	Итого
1	Конструирование образа Другого и критика	111
2	Самокатегоризация на основе противопоставления	97
3	Символические святыни и собственность группы	54
4	Демонимы и словесное выделение причастности	15
5	Эмоциональные обращения и неформальный стиль	33
6	Призыв к коллективному обсуждению	28
7	Упоминания коллективного долга и ответственности	7
8	Обращение к исторической памяти	12
9	Информирование о событиях и практиках	105
10	Взаимодействие с органами власти	199
11	Выражение благодарности	55
12	Другое	5

Самокатегоризация на основе противопоставления (2) рассматривается через оптику антагонистического дуализма «их» и «нас». «Они» напрямую риторически обозначаются как прямые оппоненты, действующие против местных жителей, представляющих себя как «мы». Во многом эта практика пересекается с предыдущей, однако та не предполагает конфликт интересов как обязательное условие, тогда как эта практика может осуществляться без использования негативных оценочных суждений. Так, риторическое представление инфоповодов в сообществе «Бульвар Новаторов и его “благоустройство”» заключается в противопоставлении *«жителей нашего родного города»* и *«вредителей»* в виде представителей компании-подрядчика по благоустройству, что конструирует собственную идентичность пользователей как горожан в противовес Другому в виде антагонизирующей стороны.

Представление о *символических святынях и собственности группы* (3) создает мысленный атлас общих ценностей сообщества, разделяемых его представителями, выступая в роли объединяющего мифа. Зеленая зона, вокруг которой объединяются местные жители, переживает антропоцентрическую трансформацию из статичного объекта благоустройства в персонифицированный образ одушевленной природы или становится территорией, которая является неотъемлемой частью общности, выстраивающейся на ее основе. Авторы публикаций указывают, что «наш» парк «страдает», а также заявляют о его уникальности и необходимости «борьбы за его существование». В свою очередь, *использование демонимов и словесного выделения групп* (4) позволяет представить особое название группы и тем самым формирует отдельную контекстуальную рамку для самопрезентации, повышая уникальность и особенность сообщества. В онлайн-сообществе «Парк на Смоленке» умело комбинируются различные риторические приемы для создания общего нарратива: «Бессовестные предприниматели получают колоссальную прибыль, а василеостровцы навсегда потеряют последний доступ к воде, исчезнет исторический вид тихой Галерной Гавани».

Эмоциональные обращения и неформальный стиль (5), выраженные в риторических обращениях при условии акцента на этом, усиливают солидарность и общность посредством использования разговорно-бытовой речи и чувственных выражений.

Драматические изображения экологических угроз вызывают сопереживание, что стимулирует активность и вызывает психологическую привязанность. В свою очередь, *призывы к коллективному обсуждению* (6), в том числе к участию в написании комментариев под публикациями, а также *упоминания коллективного долга и ответственности* (7) усиливают чувство сопричастности и способствуют при этом соединению мотивации обывателей и группы активистов, поскольку формирует общую картину интересов. При этом такие риторические практики относительно редко использовались эксплицитно в рассматриваемых публикациях, вероятно, поскольку они могут оттолкнуть пользователей.

Обращение к исторической памяти (8) рисует в коллективном сознании мост между прошлым и настоящим, создавая тем самым миф о совместном прошлом и общее наследие местных жителей. Также такой риторический прием возвышает авторов таких публикаций как хранителей памяти и образует представление о существовании и участии в сообществе «старожилов». Тем не менее такая практика оказалась достаточно редкой в использовании по сравнению с другими. Регулярное *информирование о совместных действиях и практиках* (9) используется не только с перспективой укрепления социальных связей сообщества, но и для усиления представления об общности, превращая взаимодействие в Сети в точку опоры для офлайн-инициатив и взаимного обучения. Публикация с текстовым содержанием «Телеканал “78” хочет поговорить с активными защитниками парка Сахарова. Приходите завтра, 20 ноября <...>» — пример предложения об участии в мероприятии при содействии третьей стороны. Такое содержательное построение публикаций является одним из наиболее часто встречающихся и может быть characterized как повседневное.

Взаимодействие с органами власти (10) обозначает те публикации сообщества, в которых передается информация о попытке установить контакт с представителями местной или районной администрации, а также с различными связанными с государством структурами и официальными лицами. Такие посты в сообществе могут свидетельствовать о стремлении к репрезентации жителей и отстаиванию их интересов в коммуникациях с различными инстанциями. Администраторы и участники сообществ не только создают представление об общих интересах, но и выступают в качестве авторитетных представителей сообщества. Ввиду того что сотрудничество с официальными учреждениями является одним из основных видов деятельности местных жителей, сообщения с таким содержанием наиболее часто встречаются.

Выражение благодарности (11) различным группам и лицам помогает выстроить структуру взаимоотношений и олицетворить сообщество посредством выделения в положительном ключе, признания и одобрения. Так, один из авторов сообщества «Парк Академика Сахарова» заявляет об особых чувствах в отношении жителей района: «Горжусь Калининским районом! Спасибо, друзья, за вашу смелость и чувство собственного достоинства!» *Другое* (12) как аналитическая категория включает в себя содержимое публикаций, которое не может быть определено в соответствии с остальными тематиками и относится к информации про неочевидные предметы. Например, это может быть пост с содержанием, повествующим о цветении ромашек в парке, наступлении Всемирного дня кошек или метеорах из потока Персеиды. Количество таких постов приближается к единичным значениям, их меньше всего по сравнению с другими тематиками, а их смысловое значение является, скорее, случайным.

Необходимо отметить, что кодирование осуществлялось исключительно при выявлении явных признаков соответствия тематике, и в спорных случаях, когда текст мог отражать лишь бытовую ситуацию или не свидетельствовал об использовании приема, код не выставлялся. Так, обращение «местные жители» как таковое не признается демонимом, а уникальные для сообщества многочисленные хештеги «#нашпарк» не выражают представление о парке как о символической святыне, если это никак не проявляется в основной части текста.

В результате общий набор тематик, определенных при анализе текстового содержимого публикаций и являющихся индикаторами использования риторических приемов для построения групповой идентичности, при категоризации позволяет предположить выделение трех типов дискурсивных стратегий:

1. *Информационно-диалоговая стратегия дискурса.* В такой стратегии основным видом информационной активности является информирование о происходящих событиях, приведение рациональных аргументов и сглаженное по эмоциональному наполнению убеждение с обменом информацией, взаимодействием с представителями официальных структур. В основном к такой стратегии могут быть отнесены практики, отмеченные кодами № 9, 10 и 11.
2. *Ценностно-деятельностная стратегия дискурса.* Фокус в рамках такой стратегии направлен на сплочение жителей через построение общих образов и коллективной памяти, приглашение к участию в совместных акциях и мероприятиях, в том числе в аналоговом формате, с целью сформировать устойчивые связи через общее действие. Это преимущественно приемы, выраженные в кодах № 6, 7 и 8.
3. *Мобилизационная стратегия дискурса.* Основными риторическими приемами являются использование эмоционально заряженных метафор, оборотов и символов, выделение и категоризация антагонизируемого Другого для консолидации в целях защиты «святыни» как коллективной ценности и ответственности сообщества. Для такой стратегии наиболее характерны практики, которые отражены в кодах № 1, 2, 3 и 5.

Код № 4, описывающий практики особой формы обращения и обозначения группы, релевантен для всех дискурсивных стратегий, поскольку может использоваться в виде уникального наименования как с точки зрения практического удобства выделения целевой аудитории, так и для символического подчеркивания особенности группы с артикулированием чувства принадлежности к общей группе и конструирования коллективной идентичности при условии ее признания другими акторами и нахождения собственного места в системе социальных отношений [Melucci, 1996, p. 47]. В свою очередь, код № 12 не может быть отнесен ни к одной из стратегий и в целом находится за рамками основной деятельности сообществ, однако роль раскрытия этих отвлеченных тематик может заключаться в эпизодическом переключении внимания.

Дискурсивные стратегии, выявленные в ходе анализа, могут намеренно или спонтанно воспроизводиться администраторами и активными участниками сообществ в рамках контент-планов, отражая восприятие целей сообщества. Обращение к элементам коллективной идентичности в таком случае выражается и конструирует ее как часть социальной реальности. Линейная «лента» публикаций от имени сообщества, в которое входит обозначенное число участников, перечисленных в списке, сформированном в рамках функционала самой платформы, создает впечатление о

репрезентативности представленных нарративов и признанном статусе онлайн-сообщества как выразителя идей более широкого территориального сообщества. Это способствует широкому распространению и глубокому укоренению, интернализации идей общности совокупностью отдельных индивидов, в той или иной мере разделяющих интересы или ценности, на которых она основывается.

Безусловно, вложенные в языковые конструкции смыслы и послылы авторов публикаций в действительности могут отличаться от представленных моделей, а сами стратегии — претерпевать изменения. Возможно предположить, что в зависимости от контекста событий местного сообщества, а также перцепции присутствия какой-либо внешней угрозы, создающей необходимость сплочения с переходом к активной коллективной деятельности, сообщества могут адаптировать свои стратегии. Однако ключевое значение имеет восприятие этого со стороны широкого круга участников сообщества, которое посредством обратной связи также оказывает воздействие на контент-план, имея возможность способствовать смене или консервации риторических приемов. Стратегии в целом представляются достаточно стойкими, поскольку в долгосрочной перспективе положение и цели сообщества оказываются стабильными на протяжении длительного времени.

Таким образом, онлайн-сообщества могут выступать своеобразными лабораториями коллективного самосознания, в которых языковые практики сплетаются в цельный нарратив, который одновременно отражает и усиливает локальные вызовы. Уникальность же локализованных тематических сообществ объясняется тем, что их дискурс органично вплетает в себя специфику привязанности к территории, разрывая тем самым барьер между цифровой и аналоговой реальностями. В таких виртуальных сообществах, являющихся, в сущности, гибридными пространствами, не только обмениваются ссылками и новостями по поводу различных ситуаций, но и выстраивают локальную общность, в которой участники ощущают сопричастность к общей миссии. Представления о природе и ответственности перед ней оказываются переформулированными на основе взаимодействия участников, где язык публикаций и сетевые практики синергетически создают новые ориентиры и распространяют знания в сообществе посредством коммуникации, способствуя в некоторой степени его трансформации в движение [Baumgarten, Ullrich, 2016, p. 3]. В такой среде исчезает неявное, а широкий охват участников из числа местных жителей позволяет конструировать идентичность, в том числе с целью повышения потенциала общественной мобилизации и социальной активности.

Обсуждение

Результаты исследования позволяют предположить, что онлайн-сообщества в социальных медиа предоставляют платформу для воспроизводства и конструирования коллективной идентичности, в том числе посредством дискурса, выраженного использованием определенных наборов риторических практик. При этом сообщество, основанное по территориальному принципу, может быть рассмотрено не только как ситуативный фрагментированный срез активистов, но и как современный тип гибридной общности, объединяющий разрозненные локальные группы в сообщество на основе самосознания его участников, заключающего в себе общий набор ценностей и интересов, представленных в информационно-смысловом поле.

Идентичность в таком раскладе становится связующим элементом для функционирования онлайн-сообщества как в пространстве социальных медиа, так и в той реальности, которая сложилась за рамками интернет-среды.

Локализованное онлайн-сообщество при использовании риторических приемов, отражающих и складывающих идентичность, формирует промежуточный тип коммуникаций, выходящий за рамки исключительно обычного или виртуального взаимодействия. И если ранее существование границ между цифровой и физической реальностью принималось за данность, то флюидность с непрерывным перетеканием цифрового в физическое и обратно иллюстрируется характером и содержанием языковых практик, воплощающих общность в интернет-пространстве посредством обсуждения насущных проблем и взаимодействия с представителями властных структур, а также транслированием информации.

Дискурсивные стратегии отражают устойчивое следование в контент-плане как прагматическим, так и принципиальным соображениям. Онлайн-сообщество, придерживаясь определенной стратегии, в сущности, осуществляет функции, характерные для традиционных институтов и групп. Информационно-диалоговая стратегия позволяет сообществу играть ту же культурно-просветительскую и информирующую роль, что и традиционные медиа. В свою очередь, ценностно-деятельностная дискурсивная стратегия превращает сообщество в аналог общественно-политической организации, осуществляющей пропаганду собственных воззрений и призывающей к участию. И, наконец, мобилизационная стратегия дискурса способствует трансформации сообщества в группу активистов, социальное движение, ставящее перед собой цель оказать воздействие на процесс принятия решений.

Таким образом, социальные медиа представляют площадку для формирования гибридного пространства, в котором идентичности конструируются через дискурсивные практики. Локальные онлайн-сообщества опираются на общность, которая способствует синтезу цифрового и офлайн-взаимодействия. В перспективе это позволяет утверждать о трансформации локализованных онлайн-сообществ в новые социальные движения, сформированные как особые пространства, в которых утверждаются и интернализуются представления о коллективной идентичности, особенно в случае активного использования практик, характерных для мобилизационной стратегии, таких как конструирование Другого и представление о зеленых зонах и природе как таковой как о сакральных объектах.

Значимость исследования на практике заключается в понимании использования различных языковых практик в локализованных онлайн-сообществах в формировании коллективного самосознания пользователей с возможностью расширения социальной и общественно-политической активности. Выделение дискурсивных стратегий позволяет рассмотреть относительно целостные и устойчивые наборы риторических приемов, отражающих подходы к коммуникациям, зависящие от текущих целей сообщества. Тем самым исследование интегрирует теорию социальной идентичности и анализ цифровых практик, заполняя также пробел в изучении регионального и локального экологического активизма в социальных сетях, в том числе выявляя контекстуальные особенности местных сообществ на территории Санкт-Петербурга.

Важно отметить, что предположения и выводы в рамках проведенного анализа ввиду применения интерпретивистского подхода могут так или иначе отражать предубеждения исследователя и, следовательно, являться в некоторой мере субъек-

тивными, в связи с чем подтверждение позволило бы укрепить его основные допущения и повысить внешнюю валидность. Сравнительное изучение контента в сообществах разных типов и лонгитюдное исследование с фокусом на локализованных онлайн-сообществах в дальнейшем могут раскрыть мотивацию и отразить динамику изменений при использовании дискурсивных стратегий как наборов языковых практик. Тем не менее флюидность среды онлайн-сообщества и его ориентированность на общность могут быть приняты в качестве основных векторов, движение в направлении которых позволяет учесть особенности современных сообществ, представленных в социальных медиа.

Литература

Гольбрайх В.Б. Социальные сети как ресурс для институционализации общественного движения (на примере конфликта вокруг строительства мусорных полигонов в Архангельской области) // *Власть и элиты*. 2020. Т. 7. № 1. С. 183–203. DOI: 10.31119/pe.2020.7.1.7.

Гольбрайх В.Б. Члены экологических групп в социальных медиа: цифровое участие и интересы // *Петербургская социология сегодня*. 2018. № 9. С. 91–119.

Гольбрайх В.Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // *Социологические исследования*. 2019. № 6. С. 74–85. DOI: 10.31857/S013216250005483-4.

Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В., Башева О.А. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // *Социологическое обозрение*. 2020. Т. 19. № 3. С. 376–408. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-376-408.

Каминская Т.Л., Помигуев И.А., Назарова Н.А. Экологический активизм в цифровой среде как инструмент влияния на государственные решения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 5 (153). С. 382–407. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.18.

Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Бурмакина А.Л., Донова И.В. Региональное социально-политическое взаимодействие онлайн и офлайн: возможности сравнения и измерения на примере экологической повестки // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2024. № 500. С. 150–158. DOI: 10.17223/15617793/500/16.

Лободенко Л.К., Перезовова О.В., Черediaкова А.Б., Харитонов О.Ю. Анализ представленности экологической проблематики в социальных сетях региональных интернет-СМИ // *Вестник Российского ун-та дружбы народов*. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 600–614. DOI: 10.18522/regjour-2022-1-161-163.

Молоковский Д.С., Нездюров А.Л. Перспективы использования автоматизированной системы мониторинга СМИ и медиа-анализа «Медиалогия» для политического прогнозирования // *Перспективы развития информационных технологий*. 2014. № 20. С. 56–67.

Павлов А.В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «Соседской» и «Гражданской» коммуникацией // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2016. № 5. С. 46–57.

Паченков О.В., Воронкова Л.В. «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 253–268. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268.

Пивоварчик Т.А. Статусно-ролевая репрезентация участников сетевого сообщества в диалогах интернет-форума // *Медиалингвистика*. 2019. Т. 6. № 3. С. 402–413.

Платонов К.А., Легостаева Н.И. Онлайн-сообщества в исследованиях политической коммуникации // *Вестник Российского ун-та дружбы народов*. Сер.: Социология. 2021. Т. 21. № 2. С. 391–402. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-391-402.

Расторгуев С.В., Тянь Ю.С. Протестный экоактивизм в цифровой среде (на примере «Красноярского кейса») // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 53–75. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2017.

Сабурова Л.А., Благодатский Г.А., Стажилов В.В., Вантрусев П.В. Факторы социальной мобилизации в интернет-сообществах // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического ун-та. Социально-экономические науки. 2021. № 3. С. 156–170. DOI: 10.15593/2224-9354/2021.3.11.

Скирко М.О., Корнеева Е.Н. Цифровая солидарность и использование хэштегов как способ маркировки экологических сообществ // Коммуникология. 2023. Т. 11. № 1. С. 131–141. DOI: 10.21453/2311-3065-2023-11-1-131-141.

Смирнов В.А. Онлайн-сообщества российских волонтеров (на примере социальной сети VKontakte) // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3. С. 71–93. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-71-93.

Терешина М.В., Баишаков И.С. Экологическая идентичность местных сообществ как ресурс развития «зеленой» экономики // Южно-российский журнал социальных наук. 2017. № 1. С. 6–16.

Тулаева С.А., Немировская А.В. «Хватит гадить нашу землю»: региональная идентичность и экологическая мобилизация в российских регионах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27. № 1. С. 216–246. DOI: 10.31119/jssa.2024.27.1.10.

Тулаева С.А., Семушкина Е.С. «За лес, за воду, за нашу природу!»: сценарии и особенности (де)политизации экологической повестки в российских регионах // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2025. Т. 17. № 1. С. 116–146. DOI: 10.53483/2078-1938-2025-17-1-116-146.

Шалютина Н.В., Кавлис Я.В. Сообщества в социальных сетях как фактор формирования ценностно-мотивационных и поведенческих компонентов экокультуры (на примере нижегородского экоактивизма) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2022. Т. 3. № 67. С. 135–142. DOI: 10.52452/18115942_2022_3_135.

Шекотин Е.В., Дунаева Д.О., Басина П.А., Вахрамеев П.С. Экологический дискурс в социальных медиа: опыт тематического анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. Т. 6. № 184. С. 226–250. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2483.

Щербак А.Н., Зубарев Н.С., Семушкина Е.С. «Зеленые» охранители: взгляды российских консерваторов на решение экологических проблем // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Т. 33. № 1. С. 84–114. DOI: 10.17323/1811-038x-2024-33-1-84-114.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition. London: Verso, 2006. 256 p.

Barassi V., Zamponi L. Social Media Time, Identity Narratives and the Construction of Political Biographies // Social Movement Studies. 2020. Vol. 19. No. 5–6. P. 592–608. DOI: 10.1080/14742837.2020.1718489.

Baumgarten B., Ullrich P. Discourse, Power, and Governmentality. Social Movement Research with and beyond Foucault // Social Theory and Social Movements / Ed. J. Roose, H. Dietz. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2016. P. 13–38. DOI: 10.1007/978-3-658-13381-8_2.

Bond R., Messing S. Quantifying Social Media's Political Space: Estimating Ideology from Publicly Revealed Preferences on Facebook // American Political Science Review. 2015. Vol. 109. No. 1. P. 62–78. DOI: 10.1017/s0003055414000525.

Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity” // Theory and Society. 2000. Vol. 29. No. 1. P. 1–47. DOI: 10.1023/a:1007068714468.

Canhilal S.K., Canboy B., Bakici T. Social Support for Expatriates through Virtual Platforms: Exploring the Role of Online and Offline Participation // The International Journal of Human Resource Management. 2022. Vol. 33. No. 5. P. 1005–1036. DOI: 10.1080/09585192.2020.1752283.

Capece G., Costa R. The New Neighbourhood in the Internet Era: Network Communities Serving Local Communities // Behaviour & Information Technology. 2013. Vol. 32. No. 5. P. 438–448. DOI: 10.1080/0144929x.2011.610825.

Chertkovskaya E., Paulsson A. The End of the Line: Envisioning Degrowth and Ecosocial Justice in the Resistance to the Trolleybus Dismantlement in Moscow // Local Environment. 2022. Vol. 27. No. 4. P. 440–458. DOI: 10.1080/13549839.2021.1884667.

Corbin J.M., Strauss A. Grounded Theory Research: Procedures, Canons, and Evaluative Criteria // Qualitative Sociology. 1990. Vol. 13. No. 1. P. 3–21. DOI: 10.1515/zfsoz-1990-0602.

Dawson P. Hashtag Narrative: Emergent Storytelling and Affective Publics in the Digital Age // International Journal of Cultural Studies. 2020. Vol. 23. No. 6. P. 968–983. DOI: 10.1177/1367877920921417.

Dolata U., Schrape J.-F. Masses, Crowds, Communities, Movements: Collective Action in the Internet Age // Social Movement Studies. 2016. Vol. 15. No. 1. P. 1–18. DOI: 10.1080/14742837.2015.1055722.

Fokina E.N., Rodionova E.A., Vinogradova M.V. Study of Posting Activities of Russian Users on Social Media // Media Watch. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 353–364. DOI: 10.15655/mw/2019/v10i2/49636.

Gorbacheva K.I. Manipulations of Public Consciousness in the Environmental Conflict on Kushtau // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2020. Vol. 59. No. 3–4. P. 177–199. DOI: 10.1080/10611959.2020.2139535.

Hine C. Internet as Culture and Cultural Artefact // Sage Internet Research Methods. 2000. P. 15. DOI: 10.4135/9780857020277.n2.

Kidd D., McIntosh K. Social Media and Social Movements // Sociology Compass. 2016. Vol. 10. No. 9. P. 785–794. DOI: 10.1111/soc4.12399.

Lei L. Exploring Ecological Identity from the Perspective of Systemic Functional Linguistics // Journal of World Languages. 2022. Vol. 7. No. 3. P. 487–514. DOI: 10.1515/jwl-2021-0013.

Lou X., Li L.M.W. The Relationship between Identity and Environmental Concern: A Meta-Analysis // Journal of Environmental Psychology. 2021. Vol. 76. P. 101653. DOI: 10.1016/j.jenvp.2021.101653.

Luria M., Foulds N. Hashtag-Forget: Using Social Media Ephemerality to Support Evolving Identities // Extended Abstracts of the 2021 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. Yokohama, Japan: ACM, 2021. P. 1–5. DOI: 10.1145/3411763.3451734.

Marwick A., Lewis R. Media Manipulation and Disinformation Online // New York: Data & Society Research Institute. 2017. Vol. 359. P. 1146–1151. Available at: <https://citap.unc.edu/publications/media-manipulation-and-disinformation-online/> (date accessed: 15.04.2026).

Melucci A. The Process of Collective Identity // Social Movements and Culture. Routledge, 1996. P. 41–63. DOI: 10.5749/9780816686384-004.

Melucci A., Keane J., Mier P. Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society. Philadelphia: Temple University Press, 1989. 228 p.

Meyer D.S., Minkoff D.C. Conceptualizing Political Opportunity // Social Forces. 2004. Vol. 82. No. 4. P. 1457–1492. DOI: 10.1353/sof.2004.0082.

Mol A.P.J., Spaargaren G., Sonnenfeld D.A. Ecological Modernisation: Three Decades of Policy, Practice and Theoretical Reflection // The Ecological Modernisation Reader. Routledge, 2009. P. 3–14. DOI: 10.4324/9781003061069-2.

Myagkov M., Chudinov S.I., Kashpur V.V., Goiko V.L., Shchekotin E.V. Islamist Communities on VKontakte: Identification Mechanisms and Network Structure // Europe-Asia Studies. 2020. Vol. 72. No. 5. P. 863–893. DOI: 10.1080/09668136.2019.1694645.

Nahon K. Where There Is Social Media There Is Politics // The Routledge Companion to Social Media and Politics. Routledge, 2015. P. 39–55. DOI: 10.4324/9781315716299-4.

Paasi A. Region and Place: Regional Identity in Question // Progress in Human Geography. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 475–485. DOI: 10.1191/0309132503ph439pr.

- Poupin P.* Social Media and State Repression: The Case of VKontakte and the Anti-Garbage Protest in Shies, in Far Northern Russia // *First Monday*. 2021. P. 1–22. DOI: 10.5210/fm.v26i5.11711.
- Riva G., Wiederhold B.K., Cipresso P.* Psychology of Social Media: From Technology to Identity // *The Psychology of Social Networking*. De Gruyter Open, 2015. Vol. 1. P. 4–14. DOI: 10.1515/9783110473780-003.
- Rootes C.A.* Theory of Social Movements: Theory for Social Movements? // *Philosophy and Social Action*. 1990. Vol. 16. No. 4. P. 5–17. Available at: <https://voidnetwork.gr/wp-content/uploads/2021/02/Theory-of-Social-Movements.-Theory-for-Social-Movements-by-C.A.-Rootes.pdf> (date accessed: 15.04.2026).
- San Cornelio G., Martorell S., Ardèvol E.* “It Is the Voice of the Environment That Speaks”, Digital Activism as an Emergent Form of Environmental Communication // *Environmental Communication*. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 375–389. DOI: 10.1080/17524032.2023.2296850.
- Semenov A., Snarski Y., Tkacheva T.* Mapping Environmental Protests in Russia // *Russian Politics*. 2024. Vol. 9. No. 4. P. 503–523. DOI: 10.30965/24518921-00904003.
- Showden C.R., Barker-Clarke E., Sligo J., Nairn K.* The Connective Is Communal: Hybrid Activism in Online & Offline Spaces // *Social Movement Studies*. 2025. Vol. 24. No. 2. P. 139–158. DOI: 10.1080/14742837.2023.2171387.
- Trepte S.* Social Identity Theory // *Psychology of Entertainment*. Routledge, 2006. P. 255–272.
- Turner J.C.* Towards a Cognitive Redefinition of the Social Group // *Social Identity and Intergroup Relations* / Ed. H. Tajfel. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 15–40.
- Turner J.C., Brown R.J., Tajfel H.* Social Comparison and Group Interest in Ingroup Favoritism // *European Journal of Social Psychology*. 1979. Vol. 9. No. 2. P. 187–204. DOI: 10.1002/ejsp.2420090207.
- Urman A.* News Consumption of Russian Vkontakte Users: Polarization and News Avoidance // *International Journal of Communication*. 2019. Vol. 13. P. 5158–5182.
- Van Laer J., Van Aelst P.* Internet and Social Movement Action Repertoires: Opportunities and Limitations // *Information, Communication & Society*. 2010. Vol. 13. No. 8. P. 1146–1171. DOI: 10.1080/13691181003628307.
- Van Stekelenburg J., Klandermans B.* Social Movement Theory: Past, Present and Prospects // *Movers and Shakers*. Brill, 2009. P. 17–43. DOI: 10.1163/ej.9789004180130.i-260.11.
- Wohn D.Y., Bowe B.J.* Crystallization: How Social Media Facilitates Social Construction of Reality // *Proceedings of the Companion Publication of the 17th ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work & Social Computing*. 2014. P. 261–264. DOI: 10.1145/2556420.2556509.
- Yanitsky O.N.* From Nature Protection to Politics: The Russian Environmental Movement 1960–2010 // *Environmental Politics*. 2012. Vol. 21. No. 6. P. 922–940. DOI: 10.1080/09644016.2012.724216.
- Zakharova O., Prituzhalova O., Glazkova A., Suvorova L.* Social Practices for Climate Mitigation: A Big Data Analysis of Russia’s Environmental Online Communities // *Sustainability*. 2025. Vol. 17. No. 22. P. 1–23. DOI: 10.3390/su172210053.

Virtual Community as a Space of Collective Identity Construction

KONSTANTIN A. KORIAKIN

National Research University “Higher School of Economics,”
St. Petersburg, Russia;
e-mail: kkoryakin@hse.ru

The study examines strategies for constructing collective identity in local online communities. The growing role of social media as a structured space for communication and dissemination of information is leading to a transformation of social ties, as the boundaries between digital and analog social realities in the context of local communities become increasingly blurred. Identifying the distinctive features of the discursive strategies that online communities use to reflect and construct collective, makes it possible to consider social media as a space within which a distinct collective identity is shaped. The methodological framework of the research is based on qualitative content analysis with elements of critical discourse analysis. The analysis of the textual content of posts published by St. Petersburg online communities on the *Vkontakte* social network revealed a broad range of rhetorical devices employed by community administrators and active members in relation to collective identities. Three common discursive strategies were identified: 1) informational-dialogic, 2) value-oriented and activity-based, and 3) mobilizational.

Keywords: identity, communications, discourse, ecological activism, social media, content analysis, local communities.

Acknowledgment

The author of this article would like to express his gratitude to Dr. Anna Nemirovskaya, Associate Professor in the Department of Sociology at the National Research University “Higher School of Economics” in St. Petersburg for her valuable recommendations during the work on this research.

References

- Anderson, B. (2006). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Verso. Available at: https://nationalismstudies.org/wp-content/uploads/2021/03/Imagined-Communities-Reflections-on-the-Origin-and-Spread-of-Nationalism-by-Benedict-Anderson-z-lib.org_.pdf (date accessed: 28.05.2026).
- Barassi, V., Zamponi, L. (2020). Social Media Time, Identity Narratives and the Construction of Political Biographies, *Social Movement Studies*, 19 (5–6), 592–608. DOI: 10.1080/14742837.2020.1718489.
- Baumgarten, B., Ullrich, P. (2016). Discourse, Power, and Governmentality. Social Movement Research with and beyond Foucault, in B.J. Roose, H. Dietz (Eds.), *Social Theory and Social Movements* (pp. 13–38), Wiesbaden: Springer Fachmedien. DOI: 10.1007/978-3-658-13381-8_2.
- Bond, R., Messing, S. (2015). Quantifying Social Media’s Political Space: Estimating Ideology from Publicly Revealed Preferences on Facebook, *American Political Science Review*, 109 (1), 62–78. DOI: 10.1017/s0003055414000525.

- Brubaker, R., Cooper, F. (2000). Beyond “Identity”, *Theory and Society*, 29 (1), 1–47. DOI: 10.1023/a:1007068714468.
- Canhilal, S.K., Canboy, B., Bakici, T. (2022). Social Support for Expatriates through Virtual Platforms: Exploring the Role of Online and Offline Participation, *The International Journal of Human Resource Management*, 33 (5), 1005–1036. DOI: 10.1080/09585192.2020.1752283.
- Capece, G., Costa, R. (2013). The New Neighbourhood in the Internet Era: Network Communities Serving Local Communities, *Behaviour & Information Technology*, 32 (5), 438–448. DOI: 10.1080/0144929x.2011.610825.
- Chertkovskaya, E., Paulsson, A. (2022). The End of the Line: Envisioning Degrowth and Ecosocial Justice in the Resistance to the Trolleybus Dismantlement in Moscow, *Local Environment*, 27 (4), 440–458. DOI: 10.1080/13549839.2021.1884667.
- Corbin, J.M., Strauss, A. (1990). Grounded Theory Research: Procedures, Canons, and Evaluative Criteria, *Qualitative Sociology*, 13 (1), 3–21. DOI: 10.1515/zfsocz-1990-0602.
- Dawson, P. (2020). Hashtag Narrative: Emergent Storytelling and Affective Publics in the Digital Age, *International Journal of Cultural Studies*, 23 (6), 968–983. DOI: 10.1177/1367877920921417.
- Dolata, U., Schrape, J.-F. (2016). Masses, Crowds, Communities, Movements: Collective Action in the Internet Age, *Social Movement Studies*, 15 (1), 1–18. DOI: 10.1080/14742837.2015.1055722.
- Ermolaeva, P.O., Ermolaeva, Y.V., Basheva, O.A. (2020). Tsifrovoy ekologicheskii aktivizm kak novaya forma ekologicheskogo uchastiya naseleniya [Digital environmental activism as a new form of environmental participation by the population], *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 19 (3), 376–408 (in Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-376-408.
- Fokina, E.N., Rodionova, E.A., Vinogradova, M.V. (2019). Study of Posting Activities of Russian Users on Social Media, *Media Watch*, 10 (2), 353–364. DOI: 10.15655/mw/2019/v10i2/49636.
- Golbraikh, V.B. (2018). Chleny ekologicheskikh grupp v sotsial’nykh media: tsifrovoye uchastie i interesy [Members of environmental groups in social media: digital participation and interests], *Pe-terburgskaya sociologiya segodnya*, no. 9, 91–119 (in Russian).
- Golbraikh, V.B. (2019). Ekologicheskoye konflikty v Rossii i tsifrovoye setevoye uchastie [Environmental conflicts in Russia and digital network participation], *Sotsiologicheskoye issledovaniya*, no. 6, 74–85 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250005483-4.
- Golbraikh, V.B. (2020). Sotsial’nyye seti kak resurs dlya institutsionalizatsii obshchestvennogo dvizheniya (na primere konflikta vokrug stroitel’sтва musornykh poligonov v Arkhangel’skoy oblasti) [Social networks as a resource for institutionalizing social movements (based on the example of the conflict surrounding the construction of landfills in the Arkhangelsk region)], *Vlast’ i elity*, 7 (1), 183–203 (in Russian). DOI: 10.31119/pe.2020.7.1.7.
- Gorbacheva, K.I. (2020). Manipulations of Public Consciousness in the Environmental Conflict on Kushtau, *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 59 (3–4), 177–199. DOI: 10.1080/10611959.2020.2139535.
- Hine, C. (2000). Internet as Culture and Cultural Artefact in *Virtual Ethnography* (pp. 15–40), Sage. Available at: <https://perpus.filsafat.ugm.ac.id/wp-content/uploads/sites/230/2017/11/Virtual-Ethnography-.pdf> (date accessed: 28.05.2026). DOI: 10.4135/9780857020277.n2.
- Kaminskaya, T.L., Pomiguyev, I.A., Nazarova, N.A. (2019). Ekologicheskii aktivizm v tsifrovoy srede kak instrument vliyaniya na gosudarstvennyye resheniya [Environmental activism in the digital environment as a tool for influencing government decisions], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskoye i sotsial’nyye peremeny*, no. 5 (153), 382–407 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.18.
- Kidd, D., McIntosh, K. (2016). Social Media and Social Movements, *Sociology Compass*, 10 (9), 785–794. DOI: 10.1111/soc4.12399.
- Kranzeeva, E.A., Golovatsky, E.V., Burmakina, A.L., Donova, I.V. (2024). Regional’noye sotsial’no-politicheskoye vzaimodeystviye onlayn i oflayn: vozmozhnosti sravneniya i izmereniya na primere ekologicheskoy povestki [Regional socio-political interaction online and offline: Opportunities for comparison and measurement using the example of the environmental agenda], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 500, 150–158 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/500/16.

Lei, L. (2022). Exploring Ecological Identity from the Perspective of Systemic Functional Linguistics, *Journal of World Languages*, 7 (3), 487–514. DOI: 10.1515/jwl-2021-0013.

Lobodenko, L.K., Perevozova, O.V., Cherednyakova, A.B., Kharitonova, O.Yu. (2022). Analiz predstavlenosti ekologicheskoy problematiki v sotsial'nykh setyakh regional'nykh internet-SMI [Analysis of the representation of environmental issues in the social networks of regional online media], *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser.: Literaturovedeniye, zhurnalistika*, 27 (3), 600–614 (in Russian). DOI: 10.18522/regjour-2022-1-161-163.

Lou, X., Li, L.M.W. (2021). The Relationship between Identity and Environmental Concern: A Meta-Analysis, *Journal of Environmental Psychology*, no. 76, 101653. DOI: 10.1016/j.jenvp.2021.101653.

Luria, M., Foulds, N. (2021). Hashtag-Forget: Using Social Media Ephemerality to Support Evolving Identities, *Extended Abstracts of the 2021 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 1–5), Yokohama, Japan. DOI: 10.1145/3411763.3451734.

Marwick, A., Lewis, R. (2017). Media Manipulation and Disinformation Online, *New York: Data & Society Research Institute*, no. 359, 1146–1151. Available at: <https://citap.unc.edu/publications/media-manipulation-and-disinformation-online/> (date accessed: 15.04.2026).

Melucci, A. (1996). The Process of Collective Identity, in *Social Movements and Culture* (pp. 41–63), Routledge. DOI: 10.5749/9780816686384-004.

Melucci, A., Keane, J., Mier, P. (1989). *Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society*, Temple University Press. Available at: <https://cir.nii.ac.jp/crid/1130282272102042240> (date accessed: 28.05.2026).

Meyer, D.S., Minkoff, D.C. (2004). Conceptualizing Political Opportunity, *Social Forces*, 82 (4), 1457–1492. DOI: 10.1353/sof.2004.0082.

Mol, A.P.J., Spaargaren, G., Sonnenfeld, D.A. (2009). Ecological Modernisation: Three Decades of Policy, Practice and Theoretical Reflection, in *The Ecological Modernisation Reader* (pp. 3–14). Routledge. DOI: 10.4324/9781003061069-2.

Molokovsky, D.S., Nezdur, A.L. (2014). Perspektivy ispol'zovaniya avtomatizirovannoy sistemy monitoringa SMI i media-analiza “Medialogiya” dlya politicheskogo prognozirovaniya [Prospects for using the automated media monitoring and media analysis system “Medialogia” for political forecasting], *Perspektivy razvitiya informatsionnykh tekhnologiy*, no. 20, 56–67 (in Russian).

Myagkov, M., Chudinov, S.I., Kashpur, V.V., Goiko, V.L., Shchekotin, E.V. (2020). Islamist Communities on VKontakte: Identification Mechanisms and Network Structure, *Europe-Asia Studies*, 72 (5), 863–893. DOI: 10.1080/09668136.2019.1694645.

Nahon, K. (2015). Where There Is Social Media There Is Politics, in *The Routledge Companion to Social Media and Politics* (pp. 39–55), Routledge. DOI: 10.4324/9781315716299-4.

Paasi, A. (2003). Region and Place: Regional Identity in Question, *Progress in Human Geography*, 27 (4), 475–485. DOI: 10.1191/0309132503ph439pr.

Pachenkov, O.V., Voronkova, L.V. (2021). “Novyy gorodskoy aktivizm” i “publichnaya politika” v Rossii (na primere Sankt-Peterburga) [“New urban activism” and “public policy” in Russia (using St. Petersburg as an example)], *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 19 (2), 253–268 (in Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268.

Pavlov, A.V. (2016). Lokal'nyye gorodskiye soobshchestva v sotsial'nykh setyakh: mezhdru “Sosedskoy” i “Grazhdanskoy” kommunikatsiyey [Local urban communities in social networks: between “Neighborhoodly” and “Civil” communication], *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 5, 46–57 (in Russian).

Pivovarchik, T.A. (2019). Statusno-rovlevaya reprezentatsiya uchastnikov setevogo soobshchestva v dialogakh internet-foruma [Status and role representation of online community participants in Internet forum dialogues], *Medialingvistika*, 6 (3), 402–413 (in Russian).

Platonov, K.A., Legostaeva, N.I. (2021). Onlayn-soobshchestva v issledovaniyakh politicheskoy kommunikatsii [Online communities in political communication studies], *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser.: Sotsiologiya*, 21 (2), 391–402 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-391-402.

Poupin, P. (2021). Social Media and State Repression: The Case of VKontakte and the Anti-Garbage Protest in Shies in *Far Northern Russia* (pp. 1–22). *First Monday*. Available at: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/11711> (date accessed: 28.05.2026).

Rastorguev, S.V., Tyan, Yu.S. (2021). Protestnyy ekoaktivizm v tsifrovoy srede (na primere “Krasnoyarskogo keysa”) [Protest eco-activism in the digital environment (based on the example of the Krasnoyarsk case)], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, no. 6, 53–75 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2017.

Riva, G., Wiederhold, B.K., Cipresso, P. (2015). Psychology of Social Media: From Technology to Identity, in *The Psychology of Social Networking*, vol. 1 (pp. 4–14), De Gruyter Open. DOI: 10.1515/9783110473780-003.

Rootes, C.A. (1990). Theory of Social Movements: Theory for Social Movements?, *Philosophy and Social Action*, 16 (4), 5–17.

Saburova, L.A., Blagodatsky, G.A., Stazhilov, V.V., Vantrusov, P.V. (2021). Faktory sotsial'noy mobilizatsii v internet-soobshchestvakh [Factors of social mobilization in online communities], *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, no. 3, 156–170 (in Russian). DOI: 10.15593/2224-9354/2021.3.11.

San Cornelio, G., Martorell, S., Ardèvol, E. (2024). “It Is the Voice of the Environment That Speaks”, Digital Activism as an Emergent Form of Environmental Communication, *Environmental Communication*, 18 (4), 375–389. DOI: 10.1080/17524032.2023.2296850.

Semenov, A., Snarski, Y., Tkacheva, T. (2024). Mapping Environmental Protests in Russia, *Russian Politics*, 9 (4), 503–523. DOI: 10.30965/24518921-00904003.

Shalyutina, N.V., Kavlis, Ya.V. (2022). Soobshchestva v sotsial'nykh setyakh kak faktor formirovaniya tsennostno-motivatsionnykh i povedencheskikh komponentov ekokul'tury (na primere nizhegorodskogo ekoaktivizma) [Social media communities as a factor in the formation of value-motivational and behavioural components of eco-culture (based on the example of Nizhny Novgorod eco-activism)], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Sotsial'nyye nauki*, no. 3 (67), 135–142 (in Russian). DOI: 10.52452/18115942_2022_3_135.

Shchekotin, E.V., Dunaeva, D.O., Basina, P.A., Vakhrameev, P.S. (2024). Ekologicheskyy diskurs v sotsial'nykh media: opyt tematicheskogo analiza [Ecological discourse in social media: Experience of thematic analysis], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, no. 6 (184), 226–250 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2483.

Shcherbak, A.N., Zubarev, N.S., Semushkina, E.S. (2024). “Zelenyye” okhraniteli: vzglyady rossiyskikh konservatorov na resheniye ekologicheskikh problem [“Green” guardians: views of Russian conservatives on solving environmental problems], *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 33 (1), 84–114 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038x-2024-33-1-84-114.

Showden, C.R., Barker-Clarke, E., Sligo, J., Nairn, K. (2025). The Connective Is Communal: Hybrid Activism in Online & Offline Spaces, *Social Movement Studies*, 24 (2), 139–158. DOI: 10.1080/14742837.2023.2171387.

Skivko, M.O., Korneeva, E.N. (2023). Tsifrovaya solidarnost' i ispol'zovaniye kheshtegov kak sposob markirovki ekologicheskikh soobshchestv [Digital solidarity and the use of hashtags as a way of labeling environmental communities], *Communicology*, 11 (1), 131–141 (in Russian). DOI: 10.21453/2311-3065-2023-11-1-131-141.

Smirnov, V.A. (2019). Onlayn-soobshchestva rossiyskikh volonterov (na primere sotsial'noy seti VKontakte), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya*, 25 (3), 71–93 (in Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-71-93.

Tereshina, M.V., Bashmakov, I.S. (2017). Ekologicheskaya identichnost' mestnykh soobshchestv kak resurs razvitiya “zelenoy” ekonomiki [The environmental identity of local communities as a resource for the development of the “green” economy], *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, no. 1, 6–16 (in Russian).

Trepte, S. (2006). Social Identity Theory in *Psychology of Entertainment* (pp. 255–272). Routledge. Available at: https://www.researchgate.net/publication/215640111_Social_Identity_Theory (date accessed: 28.05.2026).

Tulaeva, S.A., Semushkina, E.S. (2025). “Za les, za vodu, za nashu prirodu!”: stsenarii i osobennosti (de)politizatsii ekologicheskoy povestki v rossiyskikh regionakh [“For the forest, for water, for our nature!”: scenarios and features of (de)politicization of the environmental agenda in Russian regions], *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, 17 (1), 116–146 (in Russian). DOI: 10.53483/2078-1938-2025-17-1-116-146.

Tulaeva, S.A., Nemirovskaya, A.V. (2024). “Hvatit gadit' nashu zemlyu”: regional'naya identichnost' i ekologicheskaya mobilizatsiya v rossiyskikh regionalh [“Stop polluting our land”: Regional identity and environmental mobilization in Russian regions], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 27 (1), 216–246 (in Russian). DOI: 10.31119/jssa.2024.27.1.10.

Turner, J.C. (1982). Towards a Cognitive Redefinition of the Social Group, in H. Tajfel (Ed.), *Social Identity and Intergroup Relations* (pp. 15–40), Cambridge: Cambridge University Press.

Turner, J.C., Brown, R.J., Tajfel, H. (1979). Social Comparison and Group Interest in Ingroup Favouritism, *European Journal of Social Psychology*, 9 (2), 187–204. DOI: 10.1002/ejsp.2420090207.

Urman, A. (2019). News Consumption of Russian Vkontakte Users: Polarization and News Avoidance, *International Journal of Communication*, no. 13, 25–25.

Van Laer, J., Van Aelst, P. (2010). Internet and Social Movement Action Repertoires: Opportunities and Limitations, *Information, Communication & Society*, 13 (8), 1146–1171. DOI: 10.1080/13691181003628307.

Van Stekelenburg, J., Klandermans, B. (2009). Social Movement Theory: Past, Present and Prospects, in *Movers and Shakers* (pp. 17–43). Brill. Available at: https://brill.com/downloadpdf/ed-collchap/book/9789047444633/Bej.9789004180130.i-260_003.pdf (date accessed: 15.04.2026). DOI: 10.1163/ej.9789004180130.i-260.11.

Wohn, D., Bowe, B. (2014). Crystallization: How Social Media Facilitates Social Construction of Reality, in *Proceedings of the Companion Publication of the 17th ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work & Social Computing* (pp. 261–264). Available at: <https://dl.acm.org/doi/pdf/10.1145/2556420.2556509> (date accessed: 15.04.2026). DOI: 10.1145/2556420.2556509.

Yanitsky, O.N. (2012). From Nature Protection to Politics: The Russian Environmental Movement 1960–2010, *Environmental Politics*, 21 (6), 922–940. DOI: 10.1080/09644016.2012.724216.

Zakharova, O., Prituzhalova, O., Glazkova, A., Suvorova, L. (2025). Social Practices for Climate Mitigation: A Big Data Analysis of Russia's Environmental Online Communities, *Sustainability*, 17 (22), 10053. DOI: 10.3390/su172210053.